

Глава 1

Настоящее время. Нью-Йорк

Эван

— Не понимаю причину спешки, мистер Мур. Ваш вопрос не мог подождать до утра понедельника?

Игнорируя запах нафталина, забивший ноздри, разглядываю через окно игровую площадку, напоминающую антураж к фильму ужасов: ободранные качели, покосившиеся горки и выцветшие игрушки, разбросанные июньским ветром вокруг облезлой песочницы. Да уж, материал получится говорящим. От картинки так и веет щедростью и заботой о детях-сиротах.

— Поверьте, директор Андерсон, последнее место, где я хотел бы находиться в пятницу вечером, — это рядом с вами, — бесстрастно отвечаю я, сдерживая полыхнувшую вспышку агрессии. Старуха очень неумно решила пожить-ся, поставив под угрозу благотворительную кампанию, над которой я работал целый месяц.

— Мистер...

— Я очень не люблю, когда мне создают проблемы. А еще больше я не люблю, когда это делают дилетанты. Нахожу это оскорбительным. — Разворачиваюсь и, сцепив руки за спиной, в упор смотрю на немолодую женщину с туго собранными в пучок волосами и непомерно большими очками. — Наши финансисты нашли в отчетах расхождение в пятьдесят тысяч долларов. Но можно было и не искать. Достаточно взглянуть сюда, — коротко машу в сторону окна.

— Не может быть! — театрально ахнув, женщина направляется к столу и принимается быстро перебирать бумаги. На-

ходит нужный документ и нервно тычет в него пальцем. — Вот же, мистер Мур, все сходится!

Но я не смотрю на липовые столбцы. Я смотрю на ее лицо с плохо нанесенным макияжем: набрякшие веки, темные круги под глазами и морщины с шелухой из-за дешевого тонального крема.

— Я ознакомился с ними еще вчера. Отмывать деньги вы не умеете. А если не умеете, то и не нужно начинать. Я слишком ценю свое время, чтобы из-за вашей глупости сворачивать идеальную схему. Через неделю я хочу видеть новую игровую площадку. Если мы найдем расхождение хотя бы в цент, у кадрового агентства появится новая вакансия. Думаю, не стоит уточнять, какая именно. Сразу же после проведения кампании финансирование вашего учреждения будет поставлено под вопрос. Это понятно?

— А... да. Простите, пожалуйста, я все сделаю. Обещаю!

— В следующем месяце мы проведем съемки для рекламных баннеров. Ваша задача — подобрать пятерых харизматичных детей и привести их в презентабельный вид. Одежду для них привезут. Доброй ночи.

Не даю старухе и рта раскрыть. Покидаю душный кабинет и иду по тускло освещенному коридору, преследуя лишь одну мысль: карту надо менять. Спонсорство детского дома будет сохранено в любом случае, но недобросовестные личности, способные так открыто марать репутацию корпорации Miller Health Corp., автоматически попадают в черный список. И это всегда билет в один конец. Как в ад.

— Девчонка, девчонка, девчонка! — слышится из-за поворота, разлетаясь эхом по всему этажу.

Свернув за угол, сбавляю шаг.

— Девчонка, девчонка, девчонка! — окружив светлого кудрявого мальчишку, трое пацанов тычут в него пальцами и смеются.

— Отвалите!

Иллюзия падения

Тот злится, кидается на них и пытается ударить. Но парни заметно старше, и все попытки блондина оказываются тщетными. Хотя нет. Он изворачивается, кусает за руку одного из задир, за что тут же получает сильный толчок в спину. Мальчишка падает, прикладывается подбородком об пол и громко стонет, когда чужой ботинок врезается ему в живот.

— Тварь! Совсем оборзел! — орет нападавший под радостное улюлюканье остальных.

— Развлекаетесь? — ровно интересуюсь я.

Парнишки оборачиваются. Оценивают мой внешний вид и долго взвешивают, стоит ли дерзить в ответ. Приходят к правильному выводу и бормочут невнятные объяснения.

— Разве после отбоя вы не должны находиться в своих кроватях? — лениво уточняю я.

— Мы как раз шли в свою комнату, — расправив плечи, отвечает самый высокий, вероятно, решив не пасовать и показать, кто здесь лидер. — А тут этот... помощи попросил.

— Волонтеры из вас на двоечку, — наигранно вздыхаю я и получаю три злобных взгляда, которые, наверное, должны меня испелелить. Но, разумеется, ничего из их стараний не выходит. Вырубаю насмешку и сухо чеканю: — Не держиваю.

Парни недовольно косятся на мелкого и нехотя удаляются, не забыв кинуть напоследок пафосное: «Мы еще не закончили с тобой, девчонка».

Мальчишка, кряхтя, поднимается на ноги, сверлит спины обидчиков и яро оттирает с подбородка кровь. Видимо, язык прикусил. Подхожу ближе к пострадавшему, сажусь перед ним на корточки и протягиваю платок.

— Я Эван.

Мелкий неодобрительно рассматривает меня, потом — платок. Думает. Все же принимает спасительный предмет, измазывает его соплями и протягивает обратно мне.

— Оставь себе. Больно?

— Нет. Я их убью!

— Нельзя убивать людей.

— Они называют меня девчонкой!

— Ты не похож на девчонку.

— Тогда почему они так говорят? — бесится мальчишка.

— Потому что завидуют.

— Чему? — теряется, сунит брови, а светлые кудри забавно лезут ему в глаза.

— Ты не такой, как они. Выделяешься. Особенных тут не любят.

— Мама тоже говорила, что я особенный, — кудряшка горько шмыгает носом.

— Где она?

— Умерла.

— Моя тоже.

В глазах мальчишки зажигается скромный огонек надежды.

— Ты тоже здесь жил?

— Нет. Будешь жвачку? — хлопаю себя по карманам. Из сладкого у меня ничего нет, но этого ребенка я категорически не хочу оставлять без утешающего презента.

— Мама говорила, что нельзя ничего брать у незнакомцев.

— Твоя мама была умной. Но ведь у каждого правила есть исключение, — подмигиваю и даю мальчишке жевательную пластинку.

Он торопливо снимает упаковку и засовывает жвачку в рот. Смешно корчит рожицу.

— Кислая.

— Яблочная. — Выпрямляюсь и, глядя на светлую макушку, испытываю чувство жалости. Этому ребенку будет здесь весьма непросто. — Иди в кровать.

— Мама всегда читала мне сказку перед сном, — запрокинув голову, бодро заявляет блондинчик.

— Здесь таких услуг не оказывают.

Иллюзия падения

— Прочти ты.

Вот это разгон. Ухмыляюсь его наглости и дразняще треплю пацана по голове. Он уклоняется, сверлит меня недобрým взглядом из-под сведенных в одну линию светлых бровей.

— Прости, мелкий, у меня другие планы.

— Какие?

Вспоминаю, какие именно, и широко улыбаюсь.

— До которых ты еще не дорос.

— Я не маленький!

— Сколько тебе? Три?

Специально говорю меньше. Он так очаровательно злится.

— Мне пять! — мальчишка возмущенно пыхтит и сжимает крохотные кулачки.

— Ладно, верю. А теперь спать.

— Я не хочу спать!

— Хорошо, стой здесь.

Разворачиваюсь и иду к выходу. Я и так прилично задержался в месте, посещение которого я избегаю всеми возможными способами. Холодные, пронизанные отчаянием коридоры, шумная столовая с невкусной едой и туалеты, отдающие хлоркой и мочой, вгоняют меня в депрессию. Но дело не только в удручающей атмосфере. Я не могу оставаться спокойным, когда вижу жадных до ласки и внимания детей. Меня начинает эмоционально катать от гнева до непонятной скорби. В такие моменты мне особенно хреново, и это «хреново» я привык изгонять максимально быстро, чтобы не успело осесть.

У самых дверей слышу топот ног, а в следующую секунду проворные пальчики хватаются за край моего пиджака и тянут назад. Уступаю детской силе и оборачиваюсь. У кудряшки голубые глаза, забавные ямочки и подозрительно ангельский настрой.

— Меня зовут Эштон. Эштон Томфорд.

Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь. Не успеваю считать. Белые числа на панели управления, интегрированной в деревянную отделку лифта, сменяются чересчур быстро. Веду взглядом вдоль позолоченных реек, тянущихся по периметру кабины, и, в подробностях рассмотрев мигающий светильник, бесшумно выдыхаю скопившийся воздух. Нет, клаустрофобией я не страдаю. Но с этим широкоплечим надзирателем, проедающим мой профиль беспристрастным взглядом, еще после пятого этажа стало невыносимо душно.

Интересно, таким громилам, как он, кислорода требуется в два раза больше? Исходя из его словарного запаса в четыре слова: «Добрый вечер, мистер Мур», я склонен полагать, что он получает вдвое меньше. Мозг недостаточно насыщается, а, следовательно, исключает из рабочего процесса самые важные отсеки, отвечающие за речь, эмоции, юмор. В прямые обязанности каменного изваяния входит встреча и сопровождение клиента. Собственно, так и происходит, но его молчаливый грозный вид нагоняет мысли о том, что я еду не на порно-вечеринку, а на допрос с китайскими пытками водой.

Кидаю взгляд на часы. Гипнотизируя взглядом стрелку, дожидаясь последнего смещения и, вскинув голову, даю еще один шанс серьезному парню:

— Полночь, Джереми. Что насчет желания?

Мужчина ожидаемо молчит. Закатываю глаза и, поправив манжет рубашки, радуюсь новому числу, высветившемуся на панели. Восемьдесят пять. Осталось немного.

Желания. Я не верю в это дерьмо. Я вообще из тех людей, которые не признают падающих звезд, светлых лун, шаманство, таро и прочую ерунду. Я склонен придерживаться мнения: если человек совершает действия, они рано или

Иллюзия падения

поздно приведут его к результату. Исходя из этого охренительно умного вывода, всему, что у меня есть, я обязан исключительно себе.

А если загадать без веры, сбудется? Мощно погружаюсь в осмысление этого вопроса и несколько секунд блуждаю в поиске желаемого. Фиаско. У меня нет желаний. Точнее, они есть, но все они материальные и доступные. Хочется получить невозможное.

На ум приходит только одно. Совсем некстати врывается в сознание болезненным воспоминанием. Захватывает пространство, вытесняя из головы все остальное.

Крепко стискиваю зубы. Слишком усердствую, потому что последствие моей несдержанности разносится по всей кабине скрипучим хрустом. Ловлю недоуменный взгляд моего сопровождающего и широко улыбаюсь, зная, что приветливая мимика на моем лице всего за пару секунд растворит все вопросы в мозговом механизме охранника.

Сейчас он думает, что я либо дурачок, либо доброжелательный человек. Я — ни то и ни другое. Все эти реакции тела можно подстроить и сыграть во избежание ненужных косых взглядов и бестактных догадок.

Легкий щелчок оповещает об остановке на сто тринадцатом этаже, и я выхожу вслед за «немым» в темный холл, где тут же оседаю взглядом на миниатюрной девушке. Она явно ждет нас, и, разглядывая ее убийственно высокие шпильки, я склонен полагать, что это ожидание выдалось мучительно томительным.

Верхняя часть женского лица закрыта черной маской, что вынуждает меня перевести все свое внимание на ее пухлые губы, накрашенные помадой оттенка вишни.

— Добрый вечер. Прошу вас поднять руки на уровень груди. В целях безопасности мы вынуждены изъять ваш сотовый телефон, а также другие возможные средства связи. По окончании вечера вы сможете их забрать.

Вполуха слушаю монотонный, заученный до дыр текст, концентрируюсь на шарящих по моим карманам конечностях, которые отчего-то слишком рано замирают.

— Мистер Мур... хм, у вас тут жвачка, — недоумевающе бормочет охранник и демонстрирует мне бесформенное липкое зеленое пятно на подоле пиджака. Губы сами собой расплываются в улыбке. Мелкий бесстрашный засранец. Надо будет сказать старухе, чтобы взяла его на баннер. У паршивца чересчур много энергии, так пусть расходует ее на благие цели.

Отдаю девушке испорченный пиджак и забираю у нее из рук прямоугольное плато, на атласной черной ткани которого лежит скульптурно вылепленная маска.

— Кем я буду сегодня? — с любопытством рассматриваю лежащие передо мной грубые черты неизвестного мужчины, посыпанные золотистой крошкой.

— Богом Дионисом!

Скептически выгибаю бровь.

— Как интересно. И кто это?

— Сын Зевса и смертной женщины Семелы.

— То есть полубогом, — вношу я маленькое, но довольно весомое уточнение. За шестьдесят кусков, которые я ежегодно плачу за членство в их элитном клубе, я рассчитывал на отца Зевса или, как минимум, на самого Зевса.

На секунду впад в ступор, девушка пускается в объяснение.

— Семела не смогла вынести истинного величия Зевса и умерла в огне. Зевс спас младенца, зашив себе его в бедро, а когда пришло время, он распустил швы, и появились вы. Ой, то есть он.

— Как увлекательно, — тяну я, наслаждаясь чужим смущением. — Полубог, выношенный ногой папаши-убийцы.

Позади меня раздается смешок грозного парня. Он понимает юмор? Так и знал, что не все потеряно.

— Вам не нравится? — в женском голосе появляются панические нотки. Надо прекращать терроризировать девчонку, пока от стресса она не грохнулась в обморок.

Иллюзия падения

— Из всех богов всегда мечтал быть именно им!

Девушка выпускает еле слышный вздох облегчения, помогает надеть маску и провожает меня в главный зал трехэтажного пентхауса, который сегодня выглядит, как чертов древнегреческий сад: сотни зажженных свечей, вьющиеся по стенам виноградные лозы и искусственно возведенные колонны, драпированные золотой органзой.

Присаживаюсь за самый дальний от центра столик, украшенный оливковыми ветвями, и, чтобы скрасить ожидание до начала шоу, сразу заказываю целую бутылку шампанского, игнорируя маячивший передо мной кувшин с вином.

Настроение обычное, даже слегка скучающее. Ни предвкушения, ни волнения. Тотальное спокойствие, разбавленное лишь назойливо всплывающими в голове цифрами из отчета.

Стараясь отвлечься от работы, преследующей меня словно бессмертный сталкер, медленно катаюсь взглядом по знатной публике. Ментально лезу под их роскошные обертки, пытаюсь нащупать знакомые лица. Торможу на мужской фигуре и, пристально взглядевшись в маску, сразу же узнаю в ней Зевса. Ну конечно, кому, как не отпрыску сенатора, могла достаться роль самого главного.

Одна из особенностей моей профессии — устанавливать выгодные связи. Некие «проекты симпатий», каждый из которых в конечном итоге должен принести пользу лично для босса или корпорации в целом. Общение с Кристофером Харрисоном изначально планировалось именно как такой проект. Но оно не ограничилось деловым. У нас обнаружилось много точек соприкосновения, а спасение его жизни заложило плодородную почву для нашей дружбы.

В один из вечеров Харрисон наглотался непонятного дерьма. Я по чистой случайности проезжал мимо и нашел его, дергающегося в припадке у входной двери. Я пихал ему в глотку пальцы и изо всех сил боролся с собственным при-

ступом тошноты. Честно говоря, я был готов запихать свои пальцы куда угодно, только чтобы этот придурок, нарядившийся сегодня в дурацкое тематическое платье, не откинулся прямо на моих глазах.

Салютую радостному Крису бокалом и, чтобы лишний раз не подбивать его на совместные оргии, устанавливаю зрительный контакт с первой попавшейся «богиней» за соседним столиком.

Незнакомка быстро включается в игру: рукой ласкает открытую зону декольте, манерно накручивает на палец и тут же распускает прядь светлых волос, не забывая томно покусывать нижнюю губу. Отводит руки за спину, совершает невидимые мне манипуляции, и уже в следующее мгновение верх ее платья с грацией опадает вниз, являя моему взору лиф из прозрачной сетки, под которым призывно торчит двоечка с темно-коричневыми сосками.

Никого это не шокирует и не возмущает. Даже если бы я подошел и облизал ее красивые сиськи, все бы только обрадовались. В этом пентхаусе обнаженная грудь всегда к месту, но не цепляет глаз. Как зеленое яблоко в корзине зеленых яблок.

А я пришел за красным.

Незнакомка занимает расслабленную позу, всем видом демонстрируя, что шаг сделан и теперь ход за мной. Где-то на периферии Харрисон показывает мне большой палец. Не удивляюсь, если он, наплевав на все правила, подскочит и проорет на весь зал мое имя. Или, еще лучше, подойдет и ответит мне подзатыльник за то, что откровенно туплю в отношении смелой флиртуньи.

Но, на мое счастье, откуда-то издали слышится музыка. Она нарастает, нарастает, нарастает и вливается в зал незнакомым античным напевом, обработанным на современный лад. Сквозь драматические ноты прорываются интимные редкие вздохи, не дающие забыть, что мы находимся сейчас совсем не на Олимпе.

Иллюзия падения

Все шепотки тонут в необычной композиции, а глаза устремляются вглубь зала, откуда из крошечной темноты одна за другой появляются шесть дев. В греческих туниках с глубокими вырезами в самых нужных местах они бесшумно движутся вперед и, дойдя до незримой точки в самом центре, замирают. Будто врастают босыми ступнями в пол. У каждой из них верхняя часть лица скрыта полоской золотистой ткани, создающей иллюзию завязанных глаз. Полного ослепления.

Рабыни. Одноразовые рабыни фальшивых богов, готовых платить бабки за возможность вытянуть из их покладистости свой максимум удовольствия. Достичь предела.

Девушки начинают свой танец. Сначала легкий, ненавязчивый, призванный рассказать нам о традициях греческой культуры. По их плавным движениям невозможно понять, что через какие-то считанные минуты каждая из них будет срывать голос в спальнях наверху. Но это наваждение очень быстро исчезает, когда танцовщицы начинают скидывать платья, демонстрируя совершенство своих точеных тел.

Мое внимание привлекают две девушки, извивающиеся змеями возле колоны в противоположном углу зала. На них все еще много одежды, и на меня нападает странный азарт увидеть скрытое первым.

Не успеваю закрепить эту мысль, как начинает играть совершенно другой мотив, и из черноты появляется седьмая. Остальные шесть тут же меркнут, как бездарный разогрев главного акта. Изящные ступни, умопомрачительно длинные ноги, гибкое загорелое тело, мерцающее в отблесках свечей, и аккуратная грудь под струящимся шелком. Маска на ее лице мне незнакома, но я решаю выбрать богиню любви — Афродиту. Корона из золотых листьев добавляет ей величия, а рыжие волосы...

Ненавистный цвет моментально высасывает весь кислород из легких. Недолгая асфиксия увеличивает пульс до беспечных ритмов. Не хочу смотреть. Но смотрю. Ищу сходства.

И самое поганое — нахожу. Неявные. У моих воспоминаний не было заволаживающей утонченности движений.

Но было другое.

Бешеная энергия. Заставляющая хотеть.

Была уверенность, сносящая любую самооценку. И непредсказуемость.

Я жажду распознать глаза этой царицы и невольно подаюсь вперед, запоздало осознавая, что при таком освещении не увижу ровным счетом ничего.

Чертова амазонка начинает свой танец. Все внимание гостей приковано к ней. У Криса чуть слюна не течет, а справа от меня незнакомый «божок», запустив руку в штаны, неспешно надрачивает свой мелкий член. Не анализирую других жаждущих, потому что ответ без подсказки бешено прыгает на кончике языка: спрос на незнакомку достигнет запредельных масштабов.

Во рту становится сухо, делаю глоток шампанского и случайно замечаю мелкую ворсинку, застрявшую в линии сгиба большого пальца.

Желание убежать в уборную не маниакальное, терпимое. Пара вдохов под мысленный счет и небольшая работа над собой должны предотвратить бедствие, которое не повторялось уже целый год.

«Сидеть, Эван Мур! — мысленно приказываю самому себе. — Только попробуй сдвинуться хоть на дюйм, сука!»

И я слушаюсь. По-солдатски замираю и аккуратно, не делая резких телодвижений, поддеваю ворсинку ногтем и скидываю ее на пол. Становится в разы легче, но мысль посетить любое место с раковиной не оставляет больную голову. Залпом допиваю остатки алкоголя в бокале и, чересчур резко вернув хрусталь на стол, поднимаюсь с места. Несколько секунд смотрю на все еще одетую сучку, медленно расплзающуюся в поперечном шпагате, и испытываю странные противоречивые эмоции.

Она далеко не первая рыжая. Но первая настолько похожая.

Иллюзия падения

Хочу увидеть больше, нарушить собственное же правило, но запикиваю поглубже свои желания и, подозревая официантку, указываю пальцем на двух девушек, продолжающих тереться возле колонны.

Поднимаюсь на второй этаж. Прохожу по интимно освещенному коридору и, безошибочно обнаружив нужную дверь, прикладываю к сканеру карточку. Я сориентируюсь здесь и на ощупь, потому что не пропустил ни одного банкета со дня вступления в этот милый клуб извращенцев.

Хотя по сути своей извращение — это отклонение от нормы. А кто устанавливает нормы? В своем жизненном сценарии я привык заниматься этим лично.

До чертиков взбудораженный рыжей незнакомкой резво срываю с себя маску, закатываю рукава рубашки. Нервно провожу ладонью по вспотевшему лбу и, все-таки не удержавшись, быстрым шагом направляюсь в ванную. Скрупулезно намыливаю конечности, яростно тру до алых пятен на фалангах и, сполоснув, тут же покидаю уборную, дабы не сорваться на второй круг.

Сев на диван, лениво растягиваю руки по спинке и, ощущая пальцами мягкость бархата, растворяюсь в тихой композиции, доносящейся откуда-то сверху.

Акустическая система встроена в потолок. А возможно — в стены. Я готов думать о стереосистемах, наводнениях и плохой рождаемости. О чем угодно, только не о возможной вероятности, что там внизу перед всеми раздевается *она*.

Сосредоточенный на собственных мыслях не сразу реагирую на появившихся гостей. Они приближаются медленно, словно крадутся. Без древних балахонов, в одинаковых масках и эротическом белье, состоящем из кружевных полосок, оплетающих тренированные тела.

Без трусиков. Я ненавижу женские трусы, считаю их лишним предметом одежды, и, конечно же, данный факт прописан в моей личной анкете предпочтений.

Блондинка присаживается рядом со мной, а брюнетка показательно медленно опускается на колени между моих бедер.

Я как придурак злюсь из-за утраченного равновесия и прикрываю глаза, чувствуя скользящее движение горячего языка вдоль моей шеи. Ловкие пальцы расстегивают пуговицы на моей рубашке, ласкают обнаженную кожу и пробираются к ширинке. Звук разъехавшейся молнии воодушевляет, отгоняет мрачные мысли и электризует низ живота.

Горячая ладонь обхватывает член, медленно движется вверх и тут же спускается вниз, пока чужой язык вырисовывает несуществующие фигуры на моем кадыке.

Распахиваю веки и с интересом наблюдаю, как блондинка беззастенчиво стягивает с меня рубашку, осыпает поцелуями живот и задерживает взгляд на напряженных мышцах пресса.

«Очень понимаю твои эмоции, крошка. Сам иногда засматриваюсь».

Рвано выдыхаю, ощущая расплывающийся жар в паху, когда рука брюнетки начинает покорять меня искусным небанальным темпом и, наконец, решаю включиться в процесс. Невесомо обвожу изгиб груди светловолосой малышки, веду по тонкой кружевной вставке вдоль ее бедра и, удовлетворенно хмыкнув выступившим мурашкам, запускаю пальцы между ее ног, приглашающе расставленных по сторонам.

Влажная.

Медленно провожу большим пальцем вдоль клитора и с энтузиазмом ловлю ответную дрожь.

— Быстрее, — отдаю приказ второй.

Брюнетка послушно ускоряется, пуская вибрирующий ток по моим венам. Вся концентрация импульса стекает к члену, и я, приблизившись к призывно распахнутым губам блондинки, запускаю палец внутрь чужого тела. Скольжу им вперед-назад, собирая тягучую смазку. Девчонка приподнимается, начинает крутить бедрами, насаживаясь на палец до самого упора. Ярко стонет мне в рот, пытаюсь урвать поцелуй,

Иллюзия падения

но я дразняще уклоняюсь и кидаю очевидную подсказку брюнетке, изрядно затянувшей процесс дрочки.

— Возьми в рот.

Пока малышка между моих ног возится с презервативом, блондинка игриво пробегает коготком вдоль линии моего подбородка и настойчиво тянет к себе. Целует. Напористо. Жадно. Уступаю, схлестываюсь с ее языком, одновременно надавливая пальцем на ребристую верхнюю стенку. Проглатываю влетевший мне в глотку жаркий стон и, уверенно добавив второй палец внутрь, силно выдыхаю, ощущая долгожданный мокрый жар на собственном члене. Подавляю желание запустить руку в темные волосы. Вместо этого вынимаю пальцы из блондинки, мажу ими ей по губам и, просунув их ей в рот, кайфую от невинной пародии отсоса. Пропихиваю глубже, желая с хрипами...

— Шампанского?

Резко поворачиваю голову и в упор смотрю на незваную гостью. Афродита расслабленно стоит прямо передо мной, и, пока я недоуменно пялюсь, совершенно не понимая, какого хрена она тут забыла, она, как ни в чем не бывало, услужливо протягивает мне бокал и добавляет:

— Смочить горло.

Словно загипнотизированный принимаю напиток из ее «божественных» рук и делаю большой глоток, скорее для того, чтобы забить паузу и не выглядеть полным идиотом. Тяну время, медленно осозная, что ее появление вызвало вопросы только у меня. Девочки ни на миг не остановили ласки. Чужие руки и язык своевольно гуляют по моему обнаженному торсу, горячий рот глубоко и качественно нападает на мой член, а скользящее по пищеводу шампанское добивает полярностью температур.

Афродита не двигается. Пристально наблюдает за процессом и выглядит ни хрена не взволнованной. Взволнован здесь только я.

— Выйди, — удивительно ровным тоном произношу я, несмотря на то, что вся кровь покинула голову и теперь циркулирует исключительно в нижней части тела.

— Вы этого не хотите, мой господин, — отвечает рыже-волосая, но в этой фальшивой покладистости издевка слышится довольно четко.

Я хочу поспорить, но почему-то не спору. Потому что не хочу.

Из-за маски я не могу до конца расслышать ее голос. И это незнание, как и явная схожесть с *ней*, забирает покой, напрягает. Не дает расслабиться.

Это не может быть она... Она бы не стала.

Мечусь, как последний кретин, и сдаю позиции.

— Сними маску.

— Не положено, мой господин.

В безупречной вежливости вновь слышу насмешку.

А может, это иллюзия. Выдумка.

— Тогда вернемся к первому варианту... — не успеваю договорить, как что-то начинает происходить.

С телом, с мозгом. Все наливается красками: стены, воздух, ощущения. Язык горячее, поцелуй жарче, кровь — гуще. Музыка звонче. Любое прикосновение подрывает что-то изнутри и простреливает до самых пят головокружительным импульсом. Женские ногти варварски царапают мою грудь, до боли впиваются в сосок, и я слышу странный звук, похожий на стон, не сразу соображая, что его издаю я.

А Афродита смотрит. Открыто, нагло. Следит, как две крошки старательно вылизывают мой член, как поочередно насаживаются на него ртами, стремясь довести меня до финиша, до крайней точки.

Меня безжалостно мотает, все вопросы теряют значение, остается лишь идеальное женское тело, контуры которого плывут в моих ошалевших глазах.

Плывать, если она останется. Я могу сделать с ней все, что захочу.

Иллюзия падения

Рыжеволосая слышит мои мысли. Склоняет голову к плечу и шумно втягивает воздух, пропитанный пряным сексом. Я настолько отчетливо слышу этот свист, будто она вдохнула в дюйме от моего уха. Мне льстит ее реакция.

Живот сводит предоргазменной судорогой. Где-то на задворках летает мысль: «Что-то не так», но она молниеносно сгорает, не успев прижиться.

— Достаточно, — распоряжается Афродита, и две девушки мгновенно покидают комнату.

Странное ощущение. Недоумение, вызванное фантомным скольжением по члену, осиротевшему из-за команды проклятой богини.

Я не сомневаюсь, что она проклята.

Расфокусировано взираю на рыжую исподлобья, пытаюсь найти определение происходящему. Но ничего не клеится, не стыкуется. Каждая догадка смывается вихрем новых.

Хочу пойти и устроить разнос организаторам...

Афродита цепляет пальцами бретели платья, тянет их вниз...

Легкая ткань соскальзывает с плеч, падает к утонченным ступням...

И я забываю все, что собирался сделать, когда перед глазами предстает грудь с небольшими пирсингами в темно-розовых сосках. Не ведая, что творю, притягиваю Афродиту к себе, веду носом вдоль плоского живота, пытаюсь ощутить знакомый запах. И будто бы нахожу.

— Хочу тебя, Рио, — в бреду шепчу я.

Глажу подушечкой мерцающую в темноте сережку, обвожу языком контур пупка и впиваюсь пальцами в чистый шелк кожи. Ладони вспыхивают, горят, словно их пронзает тысяча игл.

— Слышишь? Безумно хочу...

Незнакомка ощутимо толкает меня в грудь, опускается на колени и, резко стянув мокрый от чужой слюны презерватив, высовывает язык, на котором тоже красуется пирсинг.

Лия Аструм

Не успеваю возразить...Твою ж мать!

Она кружит по уже готовой взорваться головке, вбирает сразу на всю длину и делает глотательные движения, от которых у меня конкретно искрит перед глазами. Лижет, играет с сережкой, властно цепляясь руками за ткань моих брюк. Недовольно фырчит и срывает их до самых колен, чтобы тут же вернуться к высококлассной технике минета.

Меня размазывает до атомов. Забыв обо всем, запускаю пальцы в рыжие волосы. Теряя контроль, прижимаю ближе, вдавливаю носом в лобок. Всего на секунду пускаю мысль, что *она* тоже так умела, и бурно кончаю, изливаясь ей глубоко в горло. Не дожидаясь пока проглотит, хватаю гребаную богиню за шею, чувствуя набегающий подкожный зуд, и впи-ваюсь взглядом в темные прорези маски, из которых на меня смотрят мутные зеленые глаза.

Зеленые... но у цвета всегда есть оттенки. И именно тот был с изъясном.

С совершенным изъясном.

Сбив напрочь все стопы, словно кегли шаром, ставлю ее на четвереньки и хватаю необходимый квадратик латекса.

Нам предстоит долгая ночь, Афродита.

Но мне больше не нужно видеть твое лицо.

Потому что я ошибся.

В корзине не было красных яблок.